

Многие авторитетные направления психологии XX века объясняли высшую психическую деятельность человека с позиций детерминизма, опосредованности и предопределенности. Особенно преуспела в этом отношении психология бихевиоризма. Один из ее представителей Э. Торндайк открыл ряд бихевиористских законов поведения: эффекта, утраты, готовности, ассоциативного сдвига.

«Всё остальное безумие...»

Едва ли первым бихевиористом был Козьма Прутков, глубоко мысленно заметивший: «Щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом». Бихевиоризм считает, что «Синица в руках лучше, чем журавль в небе», а «Умный в гору не пойдет», направив свои стопы по более приятной траектории. В общем, «Рыба ищет, где глубже, а человек...», ну и так далее. Обыватель предпочитает входить в каждый следующий фрагмент своей жизни широкими воротами: так удобнее – одежда не порвется, шизек не набьешь, и душевного напряжения этот накащенный путь не вызывает. «Человек должен есть, пить и одеваться. Всё остальное – безумие», – иронически заметил С. Лем. Это – заветное кредо «маленького человека», прагматичная философия буржуа. «Little things please little minds» – «Простые вещи радуют простые умы»...

Если с позиций бихевиоризма кажется относительно понятной жизнь растений и лягушек, то жизнь и поступки таких людей, как Св. Франциск Ассизский, доктор Ф. П. Гааз, А. Швейцер, Махатма Ганди, в этой системе представляются неясными и необъяснимыми. Их жизненный путь пролегал в пространствах, недоступных биноклю бихевиоризма.

Рухнувший храм семьи

Жизнь и судьба врача, писателя, педагога Януша Корчака также необъяснима с точки зрения бихевиоризма. Генрик Гольдшмит (таково было его настоящее имя) родился в семье варшавского адвоката в 1878 г., и его раннее детство прошло в обстановке, которую принято называть благополучной. Серьезных материальных проблем в семье не было. Гольдшмиты принадлежали к числу известных в Варшаве ассимилированных еврейских семейств. Дед Корчака по отцу, Хирш Гольдшмит, был известным врачом; отец, Юзеф Гольдшмит – заметным адвокатом, автором монографии «Лекции о бракоразводном праве по положениям Закона Моисея и Талмуда». Школьные годы Генрика прошли в русской гимназии Варшавы – весьма respectable учебном заведении. Преподавание здесь велось на русском языке. В 1-м классе преподавалась латынь, во 2-м – французский и немецкий, в 3-м – греческий. Обычная история ребенка из ассимилированной еврейской семьи, стремящейся к еще большей социокультурной ассимиляции, искренне желающей прочнее войти в государственную систему страны и принести пользу согражданам.

Была альтернатива: герметичный центрированный мир иудейского гетто, в котором движение времени словно замерло, сохранив весь былой антураж: от почти музейных одеяний до экзотических профессий, становящихся династическими, и центробежный, всё более секулярный мир европейского капитализма. Если первый вариант сохранял устои и каноны, очерчивая канву сценария жизни, в котором многое было предопределено и в значительной мере заранее известно – от того, кто с кем будет помолвлен, по какой улице и в какую синагогу станет ходить

всю жизнь, что станет источником существования семьи... (613 заповедей Торы регламентировали действия иудея, не оставляя места для возможных волюнтаристских девиаций); то второй вариант был менее определенным. Не обещая стабильности и не давая гарантий, он сулил ту возможность, которая позволяла изменить привычный сценарий.

Детство Генрика Гольдшмита не было безоблачным. Кое-где в «Дневнике» он пунктирно упоминает о характере своего отца,

имени Берсонов и Бауманов и воспитателем в летних детских лагерях. В 1905 г. вышла его первая повесть – «Дитя Гостиной», принесшая ему первый успех. Теперь литература стала важной частью жизни Корчака. В 1911 г. он основал «Дом сирот» для еврейских детей, которым руководил (с небольшим перерывом) до конца жизни. В 1914-1918 гг. Корчак служил на Украине военным врачом, одновременно занимаясь обустройством детского дома для польских детей; написал в эти

зеленое знамя надежды, с четырёхлистным золотым клевером. Зеленое знамя бесстрашного юного короля Матиуша. Даже вспомогательная полиция встала смиренно и отдала честь. Немцы, глядя на Корчака, спрашивали: «Кто этот человек?» – «Корчак с детьми», – был ответ. Когда дети были уже в вагонах, немецкий комендант, отвечавший за погрузку эшелона, спросил Корчака, не он ли написал «Банкротство юного Джека». «Да, а разве это как-то связано с отправкой эшелона?» –

ничего не добавляющую к сути сюжета. Кроме того, бихевиоризм снимает с человека ответственность за любые его поступки: ведь биохимические и физиологические реакции зависят не от осознанного выбора, сделанного личностью, а от персонального метаболизма субъекта. Перефразируя М. Кундера, можно сказать: психология бихевиоризма считает, что «рука, лежащая в кармане, лучше, чем рука, положенная на сердце, скептицизм лучше, чем вера, знание лучше, чем исповедь».

Имена и судьбы

Узкие ворота свободы

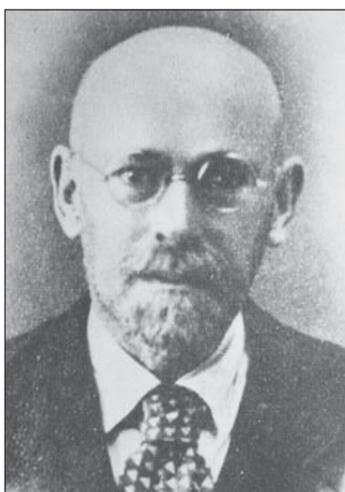
70 лет назад погиб выдающийся польский врач, педагог и писатель Януш Корчак

который, видимо, был нетерпеливым человеком весьма неровного и раздражительного характера, нередко применявшим меры, которые едва ли можно считать эталонными в педагогическом отношении: «...папуля называл меня в детстве растапой и олухом, а в бурные моменты даже идиотом и ослом». Но, всё же, несмотря на некоторые особенности личности, отец оставался для Генрика психологической опорой, казавшейся надежной защитой, краеугольным камнем, основой мироздания. Мир ребенка держался на вере в отцовское могущество. Авторитет отца выглядел гарантией надежного благополучия, давая уверенность в том, что жизнь устроена безопасно, разумно и правильно. Но в 1889 г. у Ю. Гольдшмита обнаружились признаки психического расстройства. Отныне его приходилось время от времени госпитализировать в психиатрические больницы. Содержание пациента в клиниках обходилось дорого, при том что не приносило радикальных изменений, и со временем семья, потерявшая единственный источник благосостояния – адвокатуру отца, оказалась в сложном материальном положении. С 15 лет Г. Гольдшмит подрабатывал репетиторством. Но финансовые сложности были всего лишь проблемой; психическое заболевание отца стало для подростка трагедией. Рухнул миф, рухнул мир, рухнул храм семьи. Отец оказался не всемогущим героем в крылатом шлеме, а человеком, получившим ореол заболевания, которое во многих культурах и религиях традиционно воспринимается, как кара Бога и позор. Распалась система: мир, казавшийся устроенным и разумно-справедливым, в одночасье прекратил существование.

Ю. Гольдшмит умер в 1898 г. В течение последних 7 лет он не работал; лечился – без особого эффекта – в психиатрических клиниках, а в период относительных улучшений возвращался домой – в постепенно бедневшую семью, обреченную еще и на то, чтобы видеть тяжкое безумие близкого человека, не имея ни малейшей возможности помочь ему. Крах всего мироустройства ассимилированной еврейской семьи, с таким трудом покинувшей детерминистическую предопределенность гетто, навеки отпечатался в психике ребенка, которому было всего 11 лет, когда его отец сошел с ума.

Последний Поступок

В год смерти отца Я. Корчак поступил на медицинский факультет Варшавского университета, а с 1903 г. в течение 8 лет работал в еврейской детской больнице

годы книгу «Как любить ребенка». Он возвратился в Варшаву в 1918 г., где отныне руководил детскими приютами, применяя новаторские педагогические методики и одновременно преподавая, сотрудничая с журналами, выступая по радио, читая лекции в Свободном польском университете и на Высших еврейских педагогических курсах... Настоящим событием стали новые книги Корчака – «Банкротство юного Джека» (1924), «Когда я снова стану маленьким» (1925), «Кайтусь-волшебник» (1935), «Упрямый мальчик. Жизнь Л. Пастера» (1938). Особенное место среди книг Я. Корчака занимает диалог «Король Матиуш I» и «Король Матиуш на безлюдном острове» (1923), принесшая автору мировую славу.

В 1939 г. началась война. В 1940 г. вместе с воспитанниками «Дома сирот» Корчак был перемещен в Варшавское гетто. Все свои возможности он теперь употреблял на то, чтобы добывать для детей еду и лекарства. По-прежнему, как и в «Доме сирот», продолжали работать детский сейм и детский товарищеский суд, издавалась детская газета, до последнего дня велись уроки, репетировалась пьеса-сказка Р. Тагора. Власть, зная, что Корчак еврей, тем не менее, разрешили ему свободный выход. Перед ним снова распахнулись широкие ворота. Но он отказался оставлять детей даже на несколько часов и пользовался своей льготой лишь для того, чтобы добывать еду, которой в гетто фактически уже не оставалось.

В августе 1942 г. был издан приказ о депортации «Дома сирот». Корчак вместе с несколькими воспитателями и двумя сотнями детей в товарных вагонах был этапирован в Трешлинку, отказавшись от предложенных ему в последнюю минуту жизни и свободы. Очевидец вспоминает: «Дети шли по четыре в ряд. Впереди Корчак. Над головами детей развивалось

«Нет, просто я читал вашу книжку в детстве. Хорошая книжка. Вы можете остаться, доктор». – «А дети?» – «Невозможно, дети поедут». – «Вы ошибаетесь, крикнул Корчак. – Вы ошибаетесь, дети прежде всего!» – И захлопнул за собой дверь вагона». Он предпочел остаться с детьми, погибнув вместе с ними в газовой камере. В этот момент Корчак в очередной раз привычно выбрал узкие ворота свободы.

Вопреки бихевиоризму

Человек, любивший детей больше всего на свете (триумф, но как сказать иначе?), совершенно осознанно отказал себе в праве иметь их. Не последнюю роль в этом решении сыграло безумие его отца: он слишком хорошо помнил трагедию своей семьи и те бездны ужаса, которые разверзлись перед ним, 11-летним ребенком. Будучи врачом, он хорошо понимал, насколько велика вероятность наследования недуга. Постоянно находясь под дамокловым мечом безумия, он посчитал себя не вправе создавать трагедии жизни близких людей. Такой выбор никак не укладывается в бихевиористскую теорию, считающую, что любой живущий реализует те стремления, которые – увы – можно считать, скорее, инстинктами и рефлексом, нежели осознанным самопожертвованием и героизмом.

Несколько раз Корчак, уже находясь в гетто, отказывался от спасения и относительного благополучия, оставшись с двумя сотнями чужих детей. Что думают по этому поводу бихевиористы?

И был последний Поступок Януша Корчака, который тоже никак не может быть подтверждением бихевиористской теории поведения человека. Выбор между жизнью и смертью адептам этой концепции представляется очевидным. Конечно, услужливая теория, вероятно, найдет возможность объяснить и этот поступок польского учителя, связав его с (например) бессознательным влечением Корчака к смерти (именно по этой причине он-де и не продолжил себя в потомстве, не продлил свой род, оборвав нить, тянущуюся из прошлого в будущее) и т.п. Но желание непременно найти именно такую мотивацию, которая бы объяснила буржуа жертвенность или героизм с обывательских позиций, обречено на пошлые (хочется сказать – гаденские) объяснения, низводящие высокую мораль – до функции синансов («Little things please little minds»). Такая психология редуцирует героизм до уровня биохимической реакции цикла Кребса, превращая этический компонент в необязательную подробность,

Свобода выбора знаменует собой начало человеческой истории в Библии: Бог дал Адаму свободу, и тот принял решение, взяв на себя ответственность за него. («Человек всё решает за себя сам» и «Никто не придет на выручку и не заменит»). Бог дает человеку право выбора, напоминая при этом: «Входите узкими воротами». Неверные приоритеты не могут не огорчать Бога, но Он не вмешивается в ход событий, ибо не берет назад Свои обеты. Человек изначально свободен принимать решения, но должен и отвечать за них. Это – тяжкий груз, который не каждому под силу. А Демон Лапласа (гипотетический разум, способный узнать траекторию любой частицы в будущем, если она известна в настоящем) услужливо и коварно раскидывает свои сети опосредованности и последовательности. Он отрезает мультивариантность свободы и, предоставляя лишь отмеченную ограждающими флажками удобную безальтернативность вынужденного рефлекторного поведения, позволяющую вовсе не принимать решений и, соответственно, ни за что не отвечать, отдав всё на усмотрение окислительно-восстановительных процессов, к которым в этой системе и сводится высшая психическая деятельность. Врата, которые открыты Демоном, широки, но они ведут в неуклонно сужающийся коридор несвободы утопического социума, где каждый человек существует в зависимости от своего пищеварения и метаболизма, не обращая внимания на непрагматичные этические конструкции. Но

«Что значит человек, Когда его заветные желанья – Еда да сон? Животное – и всё. Наверно, тот, кто создал нас с понятием О будущем и прошлом дивный дар

Вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы», – говорит Гамлет. Тургеневский Барзов не находил различия между человеком и лягушкой... В каком-то смысле он прав: если бытие человека определяет его сознание, то различия, действительно, нет.

«То, что тревожит меня, никогда не излечит благотворительная похлебка... Это – убиенная частица Моцарта в каждом из этих людей», – написал в дневнике де Сент-Экзюпери, автор «Маленького принца» – родного брата короля Матиуша I.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментального здоровья.

Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.